

Жгут сено, жгут снопы, в мешках гноят зерно,
 Когда взывает к нам голодный у порога,
 А хворый кличет нас на Божий Суд, где строго
 455 Должны взыскать с того, кто горе бедным нес,
 Кто ими проклят был, виновник горьких слез.
 Печальных воплей хор Всевышнего тревожит,
 Ни ветер, ни огонь их заглушить не может,
 И ставит Бог печать на горестный завет,
 460 Где смерть за гробом ждет, где отпущенья нет.

Минует бедняков посмертная расплата,
 Тех, кто надеялся, что милосердье свято,
 Кто милостыней жил. Что вам еще сказать?
 Себя, увы, пришлось в сих действиях показать
 465 И деревенским псам: столь кроткие вначале,
 Они ушли из сел и вскоре одичали,
 В собачьи шкуры их вселился волчий нрав;
 Совсем как наша знать, безжалостными став,
 Овчарки принялись терзать свои отары.
 470 Пусть медлит Судия, еще дождутся кары
 Те, кто несчастных псов оставил без еды,
 Они становятся несчастьем в дни беды,
 И этот Божий бич, проклятье из проклятий,
 Придет ломать клыки о кости наших ратей.
 475 Уборщики полей в конце кровавых сеч,
 Они пожрут того, кому в бою полечь,
 В стан мертвых воинов собак влечет пожива,
 Однако от живых они бегут пугливо.
 Припомним Монконтур¹²: с той битвы и ведет
 480 Отродье злобное свой кровожадный род,